

Игорь
Кио

27/II-88

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

«МОЛОДЕЖЬ ГРУЗИИ»

Молодежь Грузии
г. Тбилиси

ВЫПУСК № 163

27 февраля 1988 года

Игорь КИО:

«РАЗ... ДВА... ТРИ...»

Когда он был на вершине славы, получил в Брюсселе «Оскара» и был назван бельгийскими журналистами «фокусником экстра-класса», мне было лет десять или около того. С тех пор я прочитал кучу книжек о волшебстве, научился верить в колдунов, разучился верить в колдунов, пытался верить в могущество тантрических лам, оставил эту затею, понял, что не бывает ни африканских зомби, ни славянских волхвов, и, наконец, когда через много лет у меня не осталось ни одного эльфа за душой, я купил билетик в цирк за два рубля и с ужасом убедился в том, что чудеса несколько не нуждаются в моем доверии: роля все еще летает под потолком, предметы и кордебалет, как и пятнадцать лет назад, демонстрируют склонность к исчезновению, дирижер всей метаморфической вакханалии и лоскутной куколки все так же творят свои пассы: «Раз, два, три...».

И, наконец, один на один с ним, с Кио. Он совершенно сбивает с толку, или, как выражаются психологи, «разрушает устоявшуюся модель». Ждешь встречи с человеком-карнавалом. «Кто там в плаще гуляет пестром?». Встречаешь интеллектуала-администратора.

Игорь Кио, как он есть в жизни: заслуженный деятель искусств ГССР, о котором ходят легенды, что родился он прямо тут, в Тбилиском цирке. Автор статей в «Известиях» о перестройке — и веселый ведущий разбитного телешоу. Не стыкуется, «не садится в один кадр». И не надо. Получилась не беседа — портрет, а импровизация профессионала на любимую тему: как делать чудеса, какими их делать, зачем, где... Или все-таки портрет, где объект изображения подобен Протею и легко превращается в широкий спектр? И перемещается во времени из одной культуры в другую: свидетельства о фокусниках разных времен и народов, которые тут будут приведены, — вместо антрактов, как в цирке.

— Начнем, как клоун, с печальной мины: приходилось ли вам жалеть о выбранном пути?

— Я не жалел и не жалею. Но — мечтаю сделать программу на сцене. Хочу пообщаться с цирком и сделать на сценической площадке программу. Нечто похожее, так скажем, на иллюзионный театр. Или еще проще — эстрадно-иллюзионное хореографическое ревю.

— То есть речь идет об организации нового театра, театра с новыми принципами построения?

— Да, хочется, чтобы это было скорее, но, к сожалению,

у нас сейчас в «Союзгосцирке» безвластие, нет генерального директора. Поэтому идея несколько застопорилась — но это будет! Я думаю, что это даст нам громадные возможности. Там можно делать и дирижерские программы, и ревию, и детективы, и детские сказки. Возможности неисчерпаемы, но пока это только планы. Мой жанр вообще не цирковой. До моего отца в цирке с этим жанром никто не работал. Цирковая арена считалась непригодной для выступления иллюзиониста.

«Ночью Александр пошел к недавно вырытым ямам для закладки основания будущего храма. В них стояла вода, набравшаяся из почвы или от выпавшего дождя. Он положил туда скорлупу гусиного яйца, в которую спрятал только что родившуюся змею, и зарыл яйцо глубоко в грязь, удалился. На рассвете Александр выбежал на площадь обнаженным, прикрыв свою наготу лишь золотым поясом... Сбежался почти весь город... Затем Александр попросил чашу, и, когда кто-то из присутствующих подал ему сосуд, он погрузил его в воду и без затруднений вытащил вместе с водой и илом яйцо, в котором он заранее спрятал змею, залепив отверстие в скорлупе воском и белилами. Разбив его, Александр взял в руки змею. Присутствовавшие, увидев, как она движется и извивается между его пальцев, тотчас закричали и стали поздрав-

далекую от серьезной мистификации, сегодня все равно приходят люди и требуют, чтобы я лечил их гипнозом. Простят о чудесах.

— То есть аура мага все равно существует?

— Существует. Причем приходят интеллигентные люди. Вы вспомнили новогодний «Аттракцион». Вот мы снимаем программу, кто-то репетирует. И ко мне обращается человек: «Вы Кио?».

— Да.

— Я администратор ансамбля «Сябры». У нашей певицы болит голова.

— ?

— Ну, я понимаю, вам некогда, но, может, вы немножко поможете, поколдуете.

Самое смешное, что ведь это человек из артистического мира, из нашего же цеха, который должен был бы лучше других понимать разницу между жизнью и искусством. Ему бы смеяться, а он...

— Может быть, вы сами давали повод, нарек на сверхъестественное?

— Никогда! Никогда я не занимался никакими мистификациями. Сегодня какие-то факирские номера, связанные с намеками на сверхъестественное, на мистику — недопустимы. Это просто смешно. Хотя есть артисты, которые не брезгуют этим...

«К третьей группе относятся нигроманты... Они-то и являются колдунами в настоящем смысле слова, ибо дьявольским наваждением они зачаровывают зрителей так, что они видят совсем иное, нежели то, что есть на самом деле. Подобными чудесами был весьма знаменит Фауст, живший в недавнее время. Когда какой-то крестьянин не захотел уступить ему дорогу, люди увидели, что он проглотил и лошадей, и телегу; в другой раз один человек купил у него стадо свиней, а когда погнался через реку, он увидел, что свиньи исчезли, а в воде поплыли пучки соломы. Тогда разъяренный покупатель вошел в комнату Фауста и со словами «Ах ты, негодяй!» пощипнул его за ногу, нога отделилась от тела и осталась в руках ошеломленного от ужаса покупателя». (Бенедикт Аретиус. «Проблемы теологии»).

— Несколько личных воспоминаний. Для начала можно вспомнить, как начиналась ваша судьба.

— Вышел на манеж в пять лет. Помогал отцу, когда он заболел. И с тех пор работал, как его помощник — дублер, а с 65-го года, когда отец скончался, выступаю самостоятельно.

— Круг интересов, лично ваш. Что вы читаете?

— Я не могу назвать какое-то определенное хобби, но я люблю и хороший театр, и хорошую музыку, и хорошую эстраду, и хорошую литературу. Читаю я Фитцджеральда, классиков наших, Трифонов, Катаева, и в какой-то степени Маркса. Люблю спорт, люблю очень футбол. Играл сам у Бескова когда-то в спортивной школе молодежи. До сих пор сохраняю дружбу и с Бесковым, и со «Спартаком». Люблю тбилиское «Динамо», со Славой Метрели дружу. За Каспарова болею неистово.

— Кто из писателей по духу ближе всего к иллюзиону?

— Булгаков с его мистификациями.

— Кстати, вот у Булгакова описан иллюзион. Возможно его повторение — при напряжении технических средств?

— На сцене все возможно, в цирке — сложнее.

— Хотелось бы взглянуть... Мне тоже хочется — сделать.

— Немного о семье.

— Я женат, у меня есть дочь от предыдущего брака, ей 21 год, и у меня уже есть внук. Дочь работает в жанре дрессуры, поскольку считаю, что фокусы — не для женщи-

ны. Все-таки люди хотят верить в мага, но не в фокусницу.

— А сами вы верите в чудеса?

— Отчего нет? Ко мне приходила Роза Кулешова, о которой много писали. Садилась на газету и так читала мне передовицу.

— Вы серьезно?

— Да. Джуна Давиташвили при мне сбивала температуру Юрию Никулину за пятнадцать минут без единого прикосновения. Но у нас была такая тенденция — разложить все по полочкам, не оставляя места удивлению.

«К дому начальника восточной заставы, который принадлежал Ю Го, который удостоился отличительных значков за прекрасное владение искусством Мыльных Пузырей, Лао-цзы в примечаниях к трактату о дао и дэ пишет, что он любил искусство Ю Го, когда тот улыбался, и негодовал на него, когда тот позволял себе быть серьезным. Этим учитель Лао хотел сказать, что соответствие должно соблюдаться.

Однако многие люди провинции Гуань донимали Ю Го, искренне считая его способным не только рисовать живые сцены, но превращать людей в драконов и уездных писарей, в важных ваянов. Ю Го рассердился и вынул особенно большой Мыльный Пузырь. И все увидели в его радуге, как Поднебесная рушится, как династия Мин сменяется иной, и как совершаются дела неслыханные и попираются семь законов. Половина из тех, кто это видел, позже сошла с ума и утверждала, что вся жизнь — лишь искусство какого-то большого Ю Го, играющего в Мыльные Пузыри. Сегодня все знают, что это не так». (Чжун-цзы, «Описи имущества начальника пяти застав по реке Чжоу»).

— Когда я был маленький, я с удовольствием все смотрел. Потом подросток и понял, что на выступлениях фокусников обязательно встречу распилывание женщины и исчезновение в магическом ящике. Мне стало скучно. Вы не боитесь, что рано или поздно все все будут знать и...

— Я понял ваш вопрос. Есть два — три номера, которые западают в память. Я их снимаю, не показываю часто. Но самое парадоксальное то, что ко мне зрители предъявляют претензии: а почему не было «распиливания», а почему вы не показали «сжигание девушки» и т. д. Только в Тбилиси уже были десятки претензий — где то, а где это? Ведь фокусы — это очень просто: исчезновение, появление, превращение. Поэтому каждый номер напоминает какой-то другой. Только одни номера — кассовые, другие — нет.

— Разве это критерий для артиста?

— Конечно. В любой программе должно быть 2—3 «кассовых» номера.

— Ажитаж необходим?

— Мой отец говорил всегда: успех иллюзиониста не в аплодисментах, а в кассе. Очень правильно говорил, потому что, чем сильнее номер, тем меньше бывает аплодисментов. Тем больше потрясение. А чисто проходной трюк может вызвать овации. Своя специфика. Но иллюзионист должен быть артистом, иначе все, что он делает, будет иметь такую же художественную ценность, как манипуляция доцента с осциллографом.

«Встреча» наша получилась немного пестрой, как и положено в цирке, где через пять минут уже бушевал разноцветный тайфун, а в эпицентре, на арене им дирижировал Игорь Кио: «Раз, два, три...».

Беседу вел
Алексей Синельников.

Фото
Фотокроника ГРУЗИНФОРМА